

В Средние века, когда идеологическая обработка была столь сильна, даже неверующие в христианство обычно допускали существование иных богов. Как в древнем Китае: не каждый был буддистом или даосом, но почти все верили в высшие силы, объясняя ими непостижимые природные явления. Как же Рафаэль, живя в эпоху, когда даже теория геоцентризма считалась истиной, сумел вырваться из этих верований?

— Ты ведь тоже не веришь. Почему так удивлён?

Потому что я верю в науку! Понимаешь, науку.

— Если Создатель и вправду существует, почему Он не создал людей совершенными? Если Он не хотел создавать существ, столь же совершенных, как Он сам, это говорит о Его собственной ущербности. Может ли несовершенный Создатель называться Богом? Если же Он не смог этого сделать, значит, Он не всемогущ. А может ли не всемогущий Создатель называться Богом?

В долгие и одинокие годы детства Рафаэль размышлял над вопросами, которые обычно не волнуют детей его возраста. Вопросами теологии и философии.

По его убеждению, Бог должен быть всемогущим и совершенным. Божества древнеримского и греческого пантеонов, чьи страсти превосходили божественную суть, не могли считаться богами. Это были просто более могущественные люди.

Так Рафаэль и пришёл к выводу:

— В этом мире нет Бога.

Вообще-то, само утверждение «Бог должен быть всемогущим и совершенным» — палка о двух концах. Может ли Бог создать камень, который не сможет поднять? Но Рафаэль упрямо стоял на своём: Бог обязан быть всемогущим и совершенным.

Август, пока голова не пошла кругом, с трудом уловил суть:

— То есть ты веришь в сверхъестественные силы, но не считаешь, что их обладатели достойны звания богов.

— Именно так, — твёрдо кивнул Рафаэль. — Иначе как бы я смог связаться с тобой?

Вот это аргумент. Рафаэль говорил столь убедительно, что Августу нечего было возразить.

У Августа даже зашевелились сомнения. Он двадцать с лишним лет предыдущей жизни верил в научную картину мира, а теперь эта вера готова была рассыпаться в прах. Если через два года, когда ему исполнится одиннадцать, он получит письмо из Хогвартса, он, пожалуй, даже не удивится. Честно говоря, он уже начал этого тайно ждать.

— А ты? — спокойно спросил Рафаэль, ожидая ответа.

— Я? — Август на мгновение задумался, затем сообразил, о чём речь. Почему он тоже не верит? Он выпалил почти не раздумывая:

— Какие там мистические причины? Просто навидался.

Чем больше видишь, тем меньше веришь.

На долгом пути китайской истории религий возникало несметное множество. Одни сулили

вознесение на небеса, другие — спасение души. Описания были красочными, но когда что-то появляется впервые, это поражает. Во второй раз уже кажется обыденным. В третий, в четвёртый... В конце концов, вера угасает.

Услышав это, Рафаэль не сдержал смеха. Да, это был тот самый Август, которого он знал.

Тот самый Август, который в минуты, когда Рафаэль чувствовал себя покинутым всем миром, спрашивал: «Ну и что?»

Разве чувства тех, кто тебя не ценит, важны?

Нет!

Так о чём же тогда переживать?

И после этих слов тревога и вправду отступала.

Когда понимаешь, что мнение других не имеет значения, общение с людьми становится легче. Ведь тебе на самом деле всё равно, нравишься ты им или нет. Ты просто хочешь жить лучше.

Рафаэль всегда пытался представить, как выглядит человек, голос которого звучал в его голове. По обрывкам фраз он старательно складывал образ. Должно быть, у него были слегка прищуренные глаза, словно ему ни до чего нет дела. На губах — вечная насмешливая улыбка. В нём чувствовалась несокрушимая уверенность. Рафаэль представлял его снова и снова, стараясь подражать ему во всём.

Но когда он наконец встретил его, то понял:

— Ты совсем не такой, как я представлял.

Август глянул на свои короткие ноги, вспомнил свой прошлый язвительный и властный тон и лишь развёл руками:

— Что ж, прости, что разочаровал.

— Нет, — покачал головой Рафаэль. Он не был разочарован, и это удивляло его самого. Ему было всё равно, как выглядит Август. Каким бы он ни был, Рафаэлю он нравился.

Говорят, самые сильные привязанности рождаются в юности. Даже если ты на время забываешь о них, случайная встреча — спустя годы, сквозь любые перемены — способна вновь разжечь пламя страсти. Будь то кумир или первая любовь. Для Рафаэля Август был и тем, и другим.

Разговор на этом прервался: они прибыли к собору.

Бристольский собор всё ещё достраивался, но основные очертания сложились уже несколько лет назад. Потом работы остановились, а теперь, месяц как, возобновились.

Такова уж особенность средневековых соборов — вечно строиться, вечно оставаться незавершёнными. Даже в современности многие древние церкви пребывают в состоянии «вечной стройки».

Август опёрся на руку Рафаэля и неторопливо вышел из кареты. На лице его застыли отстранённость и надменность, взгляд скользил поверх голов окружающих. Он не любил эту маску, но она была необходимой защитой знати того времени.

Титулярный епископ уже ждал у входа в собор в окружении духовенства. Увидев, как близки Август и Рафаэль, он внутренне содрогнулся — совесть была нечиста.

Август не стал вникать в чувства прелата. Он всё ещё кипел от мысли, что его чуть не провели. Деньги у него водились, но это не означало, что он готов раздавать их просто так.

Принявшись осматривать почти завершённый собор, Август едва не ослеп.

До сих пор в его представлении готические соборы Средневековья были мрачными, пугающими местами. Виной тому — фильмы с нарочито потёртыми, «историческими» тонами. Да и фотографии интерьеров в путеводителях внесли свою лепту. Древние здания всегда казались тяжёлыми, пропылёнными веками — вот он и думал, что в ту эпоху царил именно такая эстетика.

Пока не увидел наряды знати, которые, казалось, стремились вобрать в себя все цвета радуги. Тогда он понял: Средневековье было ярким, даже пёстрым.

Замок Бристоль, многовековая твердыня, в эту категорию не попадал.

Но новый Бристольский собор был поистине ослепителен. Высокие своды пропускали потоки света, а сотни витражей с библейскими сюжетами переливались всеми цветами спектра. Не говоря уже о декоративных элементах, популярных в Средние века, но редко встречающихся в современных храмах: гобелены, фрески, скульптуры — всё кричало о буйстве красок.

Средневековье не было ни мрачной бездной, как его изображали гуманисты Просвещения, ни золотым веком, каким его видели романтики.

Средневековье было просто Средневековьем — эпохой, в которой жили люди. Со своими светом и тенями, чёрным, белым и всей палитрой между.

Последнее Август осознал в полной мере, взглянув на витраж с изображением своего дяди, Ричарда II. Титулярный епископ, наверное, питал к королю лютую неприязнь, раз нарядил его в столь пёстрые одежды.

Епископ не знал, о чём думает Август, и лишь старался показать Рафаэлю своё исправление. Он подобострастно предложил герцогу: витраж с королём выполнен с величайшим тщанием, и если его светлость пожелает, для него тоже создадут подобное окно, дабы украсить собор.

Не каждому выпадала честь быть увековеченным на витраже. Епископ надеялся воспользоваться этим, чтобы снискать милость.

<http://bllate.org/book/15929/1424045>